

ПЕРЕЖОГИНА Т. Я. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ПЕРЕЖОГИНА Татьяна Яковлевна. Акушерка, до революции арестовывалась с мужем полицией как политическая. С 1918 — проживала с мужем в селе Николаевка Пензенского округа, занимались сельским хозяйством, с июня 1929 — вдова. 12 октября 1929 — раскулачена, отобран скот и изба, дважды судима за невыполнение хлебозаготовок, на втором суде оправдана. 29 ноября 1929 — арестована как противница коллективизации, приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в Котлас. 23 октября 1933 — освобождена из ссылки и вернулась на родину.

В декабре 1934 — обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<4 декабря 1933>

«Незабвенная М<ада>ме Пешкова. Простите меня, что до сего времени не знаю Вашего драгоценного исторического имени и отчества, живу в такой деревушке, не от кого и узнать.

23 октября 1933 г<ода>, два месяца тому назад, возвращаясь с ссылки, у меня не хватило денег на дорогу, я обратился к Вам за помощью, и Вы не отказали. Ваше великое учреждение, возглавляемое Вами, конечно, не нуждается в моей благодарности, так как в будущем за Ваше великое дело будет благодарить история. Но все же примите мою глубокую благодарность.

Из нижеследующего Вы увидите, как я попала в ссылку и с чего началась моя кошмарная жизнь. В 1915 году по 1-й ч<асти> 103 ст<атьи> и 1-й ч<асти> 106 ст<атьи> уг<оловного> нак<азания> я и мой муж в Пензенской тюрьме, как политические, отбывали одиночное заключение. Трудно было, и тем утешала себя, что в будущем, когда возьмут в руки власть трудящиеся, то не забудут моих страданий. Оба были мы людьми, полными сил, не щадили себя для трудящихся. По выходе из тюрьмы оба были больными, тюрьма и одиночное заключение сильно подорвало здоровье. Вышли, но куда было идти? Вот вопрос. На службу не принимали, т<а>к к<а>к политическая жандармерия неистовствовала, знакомые при встрече отвертывались, и мы пришли в дом отца моего мужа. Родители моего мужа также ненавидели меня, как политическую, но все же мы остались жить, так как, повторяю, больше деваться было некуда. Гр<аждане> с<ела> Николаевки наделили нас земельной нормой, и с помощью моего брата мы занялись крестьянским хозяйством. Все бы ничего, но умер брат, муж сделал последний раз посев и ушел на службу, поступил фельдшером в Черкасскую больницу, заразился крупозным воспалением легких, в 29-м году 23-го июня умер. Меня же после его смерти через несколько дней ударил паралич на нервной почве. Пospела хлебозаготовка, больная кое-как убрала хлеб и вывезла Государству, оставила себе только что на еду. Но председатель сельсовета, неграмотный, едва умел подписывать свою фамилию, имел против меня личные счета за покойного моего брата, т<а>к к<а>к был в ссоре с ним, и особоуполномоченный по хлебозаготовке Шварев, он же секретарь РИКа, личность достаточно была охарактеризована в Пензенской газете "Трудовая правда" за № 244 от 24-го октября 29 г<ода>, постоянно пьяный, приехали и отобрали у меня весь хлеб, на еду не оставили ни одного фунта. На вопрос, почему же не оставляете мне хлеба на еду и почему берете весь до фунта, Шварев ответил: "Мы избрали тебя жертвой нашей хлебной "выкачки", и потом: "Тебе Соловки, Соловки". отобрали все имущество, корову и выгнали из дому. Все это происходило от 12-го октября 29-го года. 18-го окт<ября> выгнали из дома, 20-го окт<ября> судили меня за невыполнение хлебозаготовки. Суд был показательный, я

не была лишенка, были у меня на руках документы, квитанция о вывозе Государству хлеба, но судья не стал смотреть никакие документы и только основывался на словах председателя, который лгал и лгал бессовестно, и на словах Шварева, который был обвинителем и пьяный. Присудили мне уплатить штраф 500 руб<лей> и 250 <рублей> судебных издержек. Я кассировала в окружной суд, представила документы, окружной суд под председательством Куль и членов Голубева и Карташева вынесли свое определение, признали меня середнячкой, не являющейся классовым врагом и добровольно вывезшей Государству хлеба и т<ак> д<алее>. Назначили на новое рассмотрение в ином составе судей. Судьи сказали, что все должны вернуть мне. 29-го ноября 29-го года было новое распоряжение, нар<одный> суд оправдал меня. Но Шварев и председатель все это время искали причины, как бы погубить меня, и все не могли найти, и прибегли к гнусному ложному доносу в ГПУ. И вот только что прочитали мне на нар<одном> суде оправдательный приговор, и только что я хотела поблагодарить суд, как подошел ко мне милиционер и арестовал меня. Это было картинно, только в кино. В ОГПУ предъявили мне обвинение, как противокolleктивнице, и с тем я и пошла на ссылку. Больная, уставшая, как говорится, "душой и телом", никаких ходатайств и заявлений не подавала, смирилась со своей судьбой. Пошла на ссылку. Трудно было мне переживать разные этапы, ведь пошла без всяких средств. Ни переводов, ни посылок не получала, не от кого было, так как нет никаких родных.

О существовании Вашей Великой организации помощи не знала совсем и вот уже узнала по дороге по возвращении из ссылки. Когда отбирали у меня имущество, кое-что оставили мне, и я перевезла на квартиру. По возвращении из ссылки хозяйка квартирная объявила мне, что председатель тогда же все взял себе, и тогда же меня лишили гражданских прав, мотивируя тем, что я являюсь женой сына землевладельца. Отец мужа имел участок в 55 десятин, но я с ним не жила, и он доходами со мной не делился и, если я пользовалась доходами только своего мужа, жалование которого не превышало 50 рублей в месяц. Муж был фельдшером, трудовик, и я человек труда из бедной семьи. Мать моя ходила на поденную, стирала белье, получала не более 20 коп<еек> в день. Нас было четверо, и вот на эти средства воспитывала. По образованию я акушерка, всю жизнь оказывала помощь трудящимся. И вот теперь по возвращении из ссылки оказалась без приюта, без копейки денег, без куска хлеба. Ни обуви, ни даже не имею смены белья. Ходила побираться, но население наше переживает хлебный кризис, у самих нет, и, кроме того, иногда слышу упреки: "Вот тебе и свобода, Татьяна Яковлевна".

Пишу тебе, милая М<ада>м Пешкова, истину, многого не описываю о всех ужасных переживаниях, чтобы не утомить Вас чтением. Документы остались в нар<одном> суде, их оттуда не возвращали мне: часть — в Нар<одном> суде, часть — в Пензенском ОГПУ, часть — в Котласе в концлагерях. И мне невозможно все собрать, не только поехать, на марки не имею средств. С квартиры ссылают, так как нечем платить. В недалеком будущем ожидает меня холодная и голодная смерть. Медицинскую работу еще могла бы работать, но нет документов, и при том еще лишенка.

Помогите мне, М<ада>ме Пешкова! У Вас обширное знакомство, сделайте что-нибудь для меня, несчастной больной инвалидки. Отняли жилище, отняли все-все.

И за что же? Это будущие социалисты, так называемые, конечно, в силу глубокого невежества, совершили надо мной свое кошмарное дело, какое не снилось даже oprичникам Малюты Скуратова.

Документов нет на руках, но люди еще живы, которые знают и подтвердят о моих перенесенных страданиях за благо трудящихся. А сама теперь нахожусь в таком положении, и никому нет дела до меня. Кто гнусно лжет, и кто клеветает, и кто совершает все возможные перегибы, к ним внимательны.

1933 г<од>. Декабря 4-го дня.

Пережогина Т. Я.

Адрес: ст<анция> Башмаково, М<осковско>-К<азанской> ж<елезной> д<ороги>. С<ело> Николаевка Башмаковского района. Т. Я. Пережогинной.

Вся надежда на Вас, великая женщина М<ада>ме Пешкова!»¹

В феврале 1934 — юридический отдел Помполита обратилась с вопросом к Татьяне Яковлевне Пережогинной.

<4 февраля 1934>

«Т. Я. ПЕРЕЖОГИНОЙ.

В ответ на В<аше> обращение сообщаю, что из В<ашего> письма неясно, в чем заключается В<аша> просьба. Напишите более коротко и понятно»².

*В марте 1934 — Татьяна Яковлевна Пережогина вновь обратилась за помощью к Е. П. Пешковой*³.

<2 марта 1934>

«Глубокоуважаемая М<ада>ме Пешкова.

В предыдущем своем ходатайстве перед Вами я описывала свое положение, каковое осталось без изменения до сего времени. Я подавала ходатайство в Центр, оттуда переслали в Башмаковский РИК, здесь оно застряло, до сего времени не получила ответа. Покорнейше прошу Вас оказать помощь въ восстановлении гражданских правъ, т<ак> к<ак> лишенку никуда не принимают на работу. А также прошу Вас если возможно, окажите материальную помощь. Положение крайне тяжелое разута, раздета и отъ систематического недоедания крайне обезсилена, полный упадокъ силъ, въ ссылке работала зав<едующей> амбулаторией, оказывала помощь заключеннымъ и вольнонаемнымъ, и я теперь бы могла работать медицинскую работу, но я лишенка. Повторяю свою просьбу, помогите мне, если возможно. Если бы я была преступница и то уже исправилась бы после перенесения столько страданий.

2/III 34 г<ода>.

Т. Я. Пережогина.

Ст<анция> Башмаково МКЖД. С<ело>. Николаевка.

Р. С. Не имею даже возможности приобрести кусок мыла. Пережогина»⁴.

На письме — пометы:

«<Ходатайство> о мат<ериальной> пом<ощи> и о восст<ановле-
нии> в изб<ирательных> правах. Конч<илась> ссылка».

«Нет средств».

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1163. С. 182-184. Автограф.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1163. С. 185. Машинопись.

³ Возможно, что это письмо написано за Т. Я. Пережогину кем-то другим.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1163. С. 187. Автограф.